

ПАВЕЛ РУПАСОВ

ЗАПИСКИ САНИ

о природе вещи

Павел Рупасов

Записки санитаря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18323902

ISBN 9785447471682

Аннотация

Что происходит с людьми в приёмном отделении больницы? Всё движется человеческим терпением! Удивление – основной мотив этих рассказов. По современной тактике ведения рекламной кампании нужно написать: «Здесь Вы узнаете, что с Вами будет, и мы расскажем как с этим бороться». Я разочарую читателя. С Вами будет всякий раз своя история. И как с этим бороться – придумаете вы лично, самостоятельно и в одиночку. Но руку подам. Наука сокращает нам опыты... Читайте, вращайте. Чаша сия не минет никого...

Содержание

Записки санитаря приемного отделения	5
МБ (Мариинская больница) приемный «покой»	6
Девятое февраля 2012 года	9
Четырнадцатое февраля 2012 ГОДА	15
Письмо Джеймсу Бранкину	19
Дежурство Январь 2013 года	20
О природе вещей	23
Червяки	24
Интерес к жизни	26
«Окуляр ока земли»	28
Феодосийская набережная после шторма	28
Конфета	29
Встреча	30
На море первый шторм	31
Дима, расскажи о степи	34
Петрушка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Записки санитаря о природе вещей Павел Рупасов

© Павел Рупасов, 2016

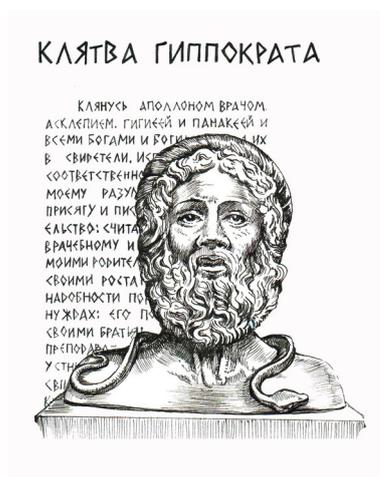
© Оксана Хейлик, дизайн обложки, 2016

© Оксана Хейлик, иллюстрации, 2016

Редактор Андрей Грунтовский

Корректор Алла Никандрова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки санитаря приемного отделения

МБ (Мариинская больница) приемный «покой»

6 февраля 2012 года

Женщина. Шапка ушанка из зайца – лица почти не видно. На ней надеты сразу две зимние куртки, свитер и футболка синяя. Джинсы ей разрезали ножницами – они дамские, тонкие и облегающие, они так стянули отекающие ноги, что снять их по-другому нельзя – только разрезав. Больше под джинсами ничего не было. На лобке вши. Ноги опухшие и на голеньях большие инфицированные язвы. Зимняя обувь и носки снялись быстро. В последнюю очередь снимали шапку – потому что недлинные волосы, скатавшиеся в единый «колтун», полностью были покрыты вшами и гнидами, так что напоминали еловые веточки, покрытые изморозью – так часто на них сидели гниды. Женщина была, как у этих людей всегда, – в спутанном сознании, на имя не отзывалась, но на ласковое обращение по имени «Катя, Катечка, помогай» реагировала положительно – прекращала сопротивляться процессу раздевания. Только жалобно говорила «не надо», «пожалуйста, не надо». Женщину раздели и оставили лежать голую в комнате для санитарной обработки «сифонке», на полу, на железных сетчатых носилках. Теперь, когда она раздета, придет медсестра и побреет ее «налысо», на голове и внизу, польет места обитания вшей вонючим средством и оставит лежать примерно на 40 минут. В комнате довольно тепло, но лежать мокрому и голому человеку, конечно, холодно. Люди, подобные ей, уже не ходят самостоятельно, некоторые только сползают с носилок и подползают по кафельному полу поближе к батарее (что совершенно бесполезно, когда отопительный сезон закончился). Потом придут санитарки, польют больного из шланга тепло-горячей водой или посадят в ванну с теплой водой (чтобы грязь отмокла), потом вновь сольют из шланга и оставят сохнуть. Полотенца, мыло или мочалка здесь не положены, в смысле не применяются. Через время, когда человек обсох, санитарки придут и оденут больного в чистую одежду, всегда имеющуюся в запасе в специальной кладовочке, где целый «магазин секонд-хенд» из числа пожертвований разных сердобольных россиян. Обработанному больному выдадут все, кроме нижнего белья, носков, шапок, – такие предметы в этой кладовочке просто отсутствуют. Обычно бомжей не лечат, только в тяжелых состояниях их отправляют в отделения больницы. Одежду наденут прямо «поверх», на обмороженные ноги, язвы, отмирающие ткани, изъязвленные пальцы и прочее. Бомжи и пьяницы выдерживаются в грязной смотровой и выдворяются по мере того, как человек отогревается, приходит в себя, трезвеет, последним и самым слабым дают возможность находиться в смотровой до шести утра, и затем они выпроваживаются на улицу, на мороз, если мороз, под дождь, если дождь... Так что они бредут – ковыляют на второй больничной выход – на улицу Маяковского сами, под присмотром охранника. Того, кто не может двигаться, охранник вывезет на коляске и оставит сидеть на обочине, подальше от больничной проходной, чтобы не было зрительной связи с больницей и желания ползти обратно. Тех, что остаются лежать на улице из-за отсутствия сил, вскоре скорая помощь вновь доставит в приемное отделение, в грязную смотровую, и «кругооборот» повторится...

Грязная смотровая, равно как и чистая смотровая, не имеет дверей, обе выходят в коридор, где везде сидят люди (на железных стульчиках в ряду по пять стульев, на манер, как лавочки), сидят и ожидают, когда их обследуют и примут решение о госпитализации. От чистых людей грязную смотровую отделяет только занавеска, чтобы не травмировать нормальных людей видом грязных и пьяных людей, которые по числу лежачков – шесть лежат (зачастую валяются на полу), демонстрируя все виды падения человека на дно социальное и человеческое. Грязные люди издают очень сильный запах, по силе его можно сравнить разве что с запахом разлагающихся тел в морге, где лежат отказники-«потеряшки» – через

пару месяцев нахождения в холодильнике запах становится невыносимым и протухание это со временем все усиливается и усиливается... Бомжи пахнут почти так же – отвратительно, кисло, пронзительно, удушающе, непереносимо. Занавеска мало препятствует проникновению запаха в коридор, так что всем людям в приемном отделении этот запах достается. По отсутствию протестов со стороны «чистых» больных и сопровождающих их родственников можно сделать вывод о характере и россиян, и значительно разбавивших их ряды в последние годы жителей бывших азиатских республик. В вагончиках на стройках, где эти жители живут постоянно человек по десять, – атмосфера аналогичная – им привыкать не приходится...

Больные, с родственниками и без, находятся в приемном отделении от часу до двух, трех и четырех часов. За это время проводится их обследование (осмотры врачами-специалистами, кровь, рентген, МСКТ, ЭКГ и прочее). Вот здесь больные ропщут... но это не помогает – обследование есть обследование. Для облегчения состояния имеются четыре лежака в двух кабинках, одноразовые стаканчики, водопроводная вода, пятиместные железные лавочки в коридоре, числом семь, и незапирающийся туалет. Девочки, что сидят возле, в коридоре, сторожат мальчиков, и наоборот, если вы пришли в туалет без родственников и пока справляете нужду. Естественно, о салфетках и одноразовых полотенцах задаваться нет смысла.

Всю эту грязь беспрестанно убирают две санитарки, но туалет – такая «тема», куда идут люди, с которыми всегда «что-то случилось», поэтому в туалете с вами всегда очередной шок.

Для перевозки неходячих больных имеются четыре инвалидных кресла и четыре каталки (носилки на колесиках), а также четыре кресла для перемещения больных здесь – по коридору. Весь этот «гужевый» транспорт не модернизировался давно, изношен, тархтит, бросает грязь из-под колес на больных, подставки для ног отсутствуют, ткань «залоскута» и не отмывается, возят на них всех, не делая различия, – и грязных, и бомжей, и чистых людей.

Естественные надобности у больных людей имеют более широкий перечень и «масштаб», чем у здоровых, он дополняется опорожнением желудка, вытекающей из них кровью, уличной грязью на их одежде и телах, и еще бог весть чем, так что все тяжелые больные, сбитые машинами, упавшие, побитые грабителями и в драках, ходячие и находящиеся без сознания в коме, – все они через одного описались и обкакались в разной степени консистенции, испачканы, промокли во всем перечисленном, в самых немыслимых комбинациях испачкана их одежда, они от этого мерзнут, для чего у санитаров по сопровождению больных имеются одеяла. В этом месте не стоит спрашивать, где у каталок и одеял «головной» конец, а где «ножной». Бессмысленно и вредно задумываться – почему кресла такие грязные и такие старые. Так же совершенно бесполезно задаваться вопросом – почему асфальтовые дорожки, по которым развозят больных по отделениям и на обследования между пятью корпусами больницы, такие неровные, а каталки железные, такие ржавые и такие громыхающие, а кресла – «хромые» и ломаные. Те качества россиян, которые позволяли им выжить в приемном отделении, должны постоянно поддерживаться на уровне – тренироваться, чтобы качества эти не снижались – дороги и «транспортные средства» у россиян по-русски аскетически brutальные.

После приемного отделения и тряской дороги больные попадают в свои отделения. В больнице отделений почти двадцать – всякие неврологии, терапии и хирургии, с номерами и без. Здесь лежат не только в палатах, за правило следует считать, что больной сначала будет уложен в коридоре на «проваленную» раскладушку, носилки или сдвинутые железные лавочки плюс сверху клеенчатый матрас, вещи в пакете возле головы, пальто лежит рядом, а тарелка с остатками недоеденного обеда под кроватью («собачья миска»). Так продумано

в организации медицинской культурной столицы России – придется лежать, пока не освободится место в палате. К такому финалу после от двух до шести часовых мучений в приемном отделении, необходимых для уточнения диагноза, многие не готовы. Многие, не понимая ничего в диспетчерской службе, организации отечественной скорой и медицинской помощи, не понимая, как вообще такое может быть в столичной больнице. «Мариинская больница на сегодня одна из крупнейших и самых оснащенных больниц в городе...» – протестуют против того, чтобы их родственники лежали «вот здесь и вот так». Но «бунт» этот всегда «на коленях», он краток, жалок и неэффективен. Наши престарелые родители будут лежать здесь...

Те, кто берут в руки ручку и бумагу и пишут жалобы, и те, кто не пишут, – все попадают туда, в те места, о которых пишут.

В нашей тысячекоечной больнице, основанной в 1803 году, около дюжины зданий, среди которых парк – два красивых сквера с очень большими деревьями, два из которых – огромные маньчжурские орехи, много больших каштанов и дубов. Хорошее расположение, в центре города больница – это большая роскошь. Съест эту территорию кто-нибудь... но не будем о плохом. Здесь вполне тихо можно гулять и сидеть на лавочках. Это маленькое зеленое чудо в одной минуте ходьбы от Невского проспекта. Больницу нашу более пятнадцати лет обихаживают разнообразные международные благотворительные центры. Здесь встречаются все Божии чудеса, все чудеса медицинские и человеческие.

Я санитар по сопровождению больных, работаю здесь уже давно, работа простая, получаю в руки историю болезни, выхожу из своей комнаты младшего медперсонала в коридор, который полон поступающих больных и их родственников, и довольно громко, стараясь быть громче, чем гул, шум, стоны, грохот колес каталок, иногда криков потребных и не очень, называю ФИО больного. Мы находим друг друга, и я его веду (везу) по назначению.

Девятое февраля 2012 года

Рабочий день санитаря приемного отделения Мариинской больницы¹.

Девятое февраля 2012 года. Утро, пересменка. Все в нашей комнатухе ухают, кричат, шуршат пакетами и едой (ставят в холодильник), переодеваются. Уходящие – сонные и усталые, приходящие – румяные с мороза, на ходу пьют чай-кофе. Больных всегда в этот час почти нет, так что все примерно двадцать человек, отработавшие сутки, могут спокойно передать дежурство свежей смене. Коридоры и смотровые пусты и чисто вымыты (их моют две санитарки, начиная с 4 утра, и к пересменке в 9.00 все должно быть идеально чистым и «блестеть»). Чем достигается то, что больных с 8 до 9 утра всегда нет, я не знаю. Наверное, каким-то организационным механизмом совместными административными усилиями мэра Петербурга и народа по всему городу. Механизм этот мощный и постоянный, как природная закономерность, как прилив, как традиция (например, утреннее неизбежное карканье ворон в нашем больничном парке), как восход солнца...

Все поступающие в приемное отделение люди делятся, на первый взгляд, сразу на две категории – молодые женщины детородного возраста (они всегда чисто одеты) – и все остальные – они все помнят жизнью, обстоятельствами, травмами, прожитыми годами «и невзгодами». Молодые женщины все направляются в гинекологическое отделение – с ними что-то стряслось «по-женски», а остальные распределяются в остальные больничные отделения. Это там не хватает мест в палатах и больные лежат в коридорах, а в гинекологии в коридорах никогда не лежат. Непонятно почему, никогда над этим не задумывался...

Я – санитар по доставке больных из приемника «туда – куда надо», и поэтому все время нахожусь в движении, либо по дороге в отделения, либо обратно по дороге в «приемник», в перерывах между движениями всегда складывается возможность присесть и передохнуть в нашей комнатухе.

«Производственный шум» приемного отделения – это шум сложно составленный – из звуков подъезжающих «скорых», стонов, нечленораздельного бормотания алкоголиков и бомжей за занавеской (грязная смотровая на шесть лежаков), грохота каталок, иногда криков и стуков из изоляторов. Изоляторы – социальный и психосоматический: в один изолируются хулиганы буйные (при помощи охранников), которые надоели всем своими криками и угрозами, в другой психически неуравновешенные или больные, которые тоже уже всем порядком надоели своими выходками (тут возможно любое надоедание – ползают по коридору на коленках, пристают к людям). Неадекватному поведению полную свободу... не дадут... Надоели – в изолятор! Больше одного человека в изолятор не сажают, да не так тут и часто буйные встречаются – один-два человека в сутки. «Лечение» здесь – наказанием. Наказание – изоляцией. Изоляция тяжело воспринимается буянами – они грохочут в дверь и бьются в зарешеченное оконце в двери по пять часов подряд и громко кричат всевозможную нецензурщину под «неодобрительное» молчание всех находящихся в приемном отделении и вынужденных не только дышать испарениями бомжей, но и слушать русскую матерщину. Освобождают буянов, когда проспятся, притихнут и вообще поймут, что их выпустят только за «хорошее» поведение». А серьезных, психосоматических увезут в психиатрическую лечебницу.

Все мы живем и ходим туда-сюда, туда-сюда целые сутки напролет. Работа не быстро интеллектуальная, скорее физическая, но «на рывок» (приподнял, уложил на каталку, усадил в коляску на колесиках и «задвинул» больного куда надо), с последующим коротким отдыхом, здесь можно работать и пенсионеру, например, как я... А у пенсионера в голове

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=iqbN4T1t-q8&feature=email> – 5-минутный фильм о здании Мариинской больницы.

есть место для жизни мысли. Что у меня в голове – мой сын и моя жена. Десятилетний сын начал заваливать меня вопросами о том, почему космические спутники не падают на землю, о планетах и роботах.

Еще что у меня на уме? Собственная «всячина» – Шерлок Холмс. Шерлок ведь был уловлен в первой серии того английского фильма умом, собственным азартным своим умом... Человек, более приземленный, много чем уловлен. Он уловлен пищевыми добавками! И началось все с пищевой поваренной соли, она являлась первой пищевой добавкой. Без нее уже очень скоро не ело человечество совсем, покупали соль задорого. Самое трудное было у семьи Лыковых в тайге что? «Без соли сербать». Не мерзнуть, не голодать, не одиночество или болезни – без соли есть – вот что было самым большим испытанием... Так что соль как будущий вирус вкусовых добавок был нам подсажен давно... Это что? Запрограммированный сбой? И вот теперь, теперь перед нами вся эволюция разнообразных вкусовых добавок со всеми ее вредными последствиями налицо – «улучшатели», рыхлители, эмульгаторы и прочее... Все они «хором» влияют на наше здоровье отрицательно, – о чем страдают на страницах газет и журналов дотошные современники. Мне-то что? Я не страдаю, но я был врачом-гигиенистом – лет, эдак, двадцать подряд, и у меня выработался вкус к наблюдению за процессами, которые могут влиять на здоровье человека...

...В моей голове – куры, куры на прилавках магазинов; куры, у которых заканчивается срок годности, – поступают на гриль – это может понять каждый, кто попытается пососать косточку от ножки – она невкусная, то есть состарившаяся... Видимо, ножка в большей степени «торчит на воздухе», окисляется вот, и прогоркает костный мозг в косточке раньше всего, и термообработка гриль не скрывает этот дефект. Дефект старости всей курицы как таковой гриль, получается, скрывает, срок ее годности продлевает, а вот с ножкой вышел «прогляд» – проглядели ножки... Ничего – эволюция уже идет – будут ножки заранее «обкусывать»...

В нашем многомиллионном городе везде встречается (значит еще не рудиментарное это) культурное обращение, определенная внимательность к культуре речи, ее литературным выразительным возможностям. Это очень радует всегда. Это создает среду, воздух, в котором приятно находиться, хочется этому как-то соответствовать, атмосфера эта даже на круг твоего чтения влияет... Но в нашей больнице люди, в том числе пациенты, молчаливы и сдержанны, – это главное проявление шока? Все люди в несчастье и болезни одинаково стремятся быть немногословными? Одинаково все и воспитанные, и невоспитанные... Дают волю себе покричать и повозмущаться исключительно лишь пьяные люди.

Когда вы здесь долго работаете, то даже если вы бука нелюдимая и ни с кем почти не общаетесь, то вы, в конце концов, может быть, хоть и через полтора года, но поймете, что все сотрудники здесь – семья, что все здесь как бы слегка греются друг возле дружки – в эмоциональном плане согревают друг друга интонациями голоса, контактами какими-то неосоздаемыми, словами не обижающими. Я, например, лифтерам говорю каждый раз, хоть и по сто раз в день их вижу: «Ну, здравствуйте, это мы». И лифтерам всегда становится теплее, я это чувствую, – они как-то смягчаются, а то вид у них всегда такой замерзший, закутанный и одинокий, – работа у них такая – одинокая, целые сутки в лифте «висеть»... А когда мы выходим из лифта, я частенько, чтобы вообще, просто поддержать человека, обещаю, что «мы больше не придем», то есть выходит, что больше тревожить мы с больными их не будем. Лифтеры – это те люди, которых я вижу очень близко, потому что лифтеры целые сутки дежурят в своих грузовых лифтах на семь человек. Вход в лифт с улицы. Они дежурят в «своей лифтовой шахте», а мы всегда их вызываем (кнопка звонка на стене возле лифта), и от того, как скоро лифтер приедет, зависит, насколько или как сильно мы с больным замерзнем, ожидая лифт. А лифтеров здесь пять – по числу лифтов. Шестой лифт автоматический, и с ним не поговоришь. А здесь мы вместе с лифтером взаимодействуем – открываем

громыхающие, еще советские двойные двери лифта, морщась от железного грохота, закатываемся туда всех «гоп-компанией» с каталками, больных под одеялами, со свитой из родственников и ходячими «попутными» больными. Всего лифт вмещает шесть-семь человек, потом мы едем, и на выходе все повторяется. Каталкой (она под 100 кг, ведь на ее «спине» лежит больной под одеялами) нужно никому не повредить руки, а каталки наши, о них я уже упоминал, ехать сразу не хотят, и от того, что ты ее толкаешь, она вовсе не едет или едет «вбок» и ударяется о двери лифта или о людей. У каталки впереди и сзади ручки железные – собственно это рога, как у быка. Каталка четырехрогий бык, который имеет замысел всегда кого-нибудь «боднуть»... Поэтому если все перечисленное делать нежно и ласково с приговорочками: «Ну вот, мы и приехали...», «Сейчас аккуратненько выйдем...», «Ничего, все у нас получится...» – то люди ведут себя доброжелательно и на каталки эти ржавые уже так не нервничают.

Так что лифтеры в одиночестве своем все люди-отшельники и очень на ласку отзывчивые, и очень оригинальные – об этом я как-нибудь в другой раз расскажу.

Руки надо мыть. Руки здесь желательно мыть после каждого больного. То есть о больных сегодня здесь не буду рассказывать, а только о медперсонале. По дороге в отделение я каждый раз держу ручки каталок, открываю с добрый десяток дверей, временами держу (грею) руки в карманах, надеваю резиновые перчатки (а внутри у них белый порошок – тальк). Одеваю рабочие теплые вязаные перчатки, когда на улице холодно... Так что после такой разнообразной встречи твоих рук с поверхностями, на которых оставили свои следы многие здоровые и больные, СПИДом, гепатитом и еще не весть чем, – руки здесь моют все. У нас в комнатухе есть раковина, жидкое мыло и даже крем, чтобы кожу оберегать. От бесчисленного количества «помывок» кожа становится шершавой и склонной к... в общем, к чему-то нездоровому склонной. После мытья руки вытираются полотенцем, которое висит здесь же. Полотенце это всегда меня несколько смущает. Дело в том, что об это большое махровое полотенце вытираем руки все мы, целые сутки подряд, а в смене нас пять-шесть человек санитаров, и вытираем мы руки целые сутки, и люди мы все разные, и моем руки мы тоже по-разному... Брезгливость и образование подсказывают мне, что здесь какой-то организационный недочет, касающийся общей культуры, гигиены и эпидемиологии вместе взятых, так что я (больше ничего не остается) всегда вытираю руки с замиранием сердца. Это полотенце, руки, перчатки, дверные ручки, наши карманы и очень и очень многие другие детали тоже можно характеризовать как моменты, которые могут способствовать инфицированию персонала (о больных я в этом месте и не думаю даже... и как их защитить – не знаю). Именно поэтому, наверное, нас – весь персонал – здесь ежегодно прививают от всяческих инфекционных заболеваний, примерно с такой же серьезностью, с какой прививают уезжающих на работу в тропические страны и очаги опасных инфекционных заболеваний... Чтобы человек «мог хоть грязь есть», и ему за это «ничего бы не было».

Здесь еще есть моменты моему пониманию непосильные.

Одноразовые перчатки в XXI веке это повседневность – сделал свое дело, снял перчатки и выкинул. А если дело связано с переходами по улице, когда ты держишь каталку за железные рога и вынужден (от мороза) надеть теплые перчатки, а тебе потом на морозе нужно открывать железные рукоятки, дергать двери рефрижератора, который у нас стоит на улице и выполняет роль хранилища – холодильника для морга. А потом, простите за подробности, труп умершего больного нужно закатить на каталке в этот холодильник и переложить (сдвинуть) его на стол или на «моргачевскую каталку», а потом все нужно выполнить «в обратном порядке», то есть выбраться из холодильника, и двери закрыть, и железяки рефрижераторские эти повернуть на морозе, чтобы рефрижератор закрыть (еще и замок там был висячий, до недавних пор, который нужно было закрыть), – что мне после

этого думать о моих теплых перчатках? Только выкинуть. А эту процедуру достается выполнять за дежурство и два раза, и пять раз...

Заведу специальные «моргачевские» (для посещения морга) перчатки... и специальную моргачевскую куртку.

– Я не пьяный, – уверяет всех человек в рабочей грязной одежде. – Меня электрическим током ударило. Я пятнадцать минут не мог отлепиться от трубы – так меня шандарахнуло. Я не пьяный – у меня руки не работают! Помогите штаны поднять и застегнуть, а то стыдно, а руки не работают.

Человек был определен в грязную смотровую (был с алкогольным запахом), мне его нужно одеть и увезти на КТ (компьютерную томографию головного мозга). Помогаю ему одеться. Человеку, видимо, очень важно, чтобы его не считали пьяницей, потому что он очень много раз по дороге повторяет, что он не напился:

– Это меня электрическим током ударило, я думал, что все, конец мне. А пить я не пил, в рот не брал, куртку помогите одеть...

Мы движемся среди белого снега. Среди белого снега очень грязно одетый человек – брейгелевская картина, «Охотники» – от всех средневековых людей пахло, как от бомжей? Они ведь там в своем Средневековье неделями не мылись... «...здесь три сложенных перста коснулись его лба, где так долго зрели сомнение и мука».

Я иду и думаю о том, что недавно прочитал: «В 1950 году в СССР впервые возникли идеи защиты леса от уничтожения – от вырубки». Впервые возникли идеи защиты природы – экологии как таковой. За шестьдесят лет в это направление было вложено, видимо, очень много сил и средств нашей страны, институты созданы, работают уже более шестидесяти лет, целые производства, способствующие ограничению и предотвращению загрязнения среды. Одновременно я читаю у того же автора: «Сегодня лес вырубается в десятки (это не метафора) интенсивнее, чем в 1950 году...»

Институты уже шестьдесят лет работают, разрабатывают нам всякие полезные науки о гигиене питания, водоснабжения, жилища, – а что мы об этом знаем? Что все продукты стали рафинированными, модифицированными и ухудшилось их качество и чистота. Это как итог работы науки и прогресса произошло? Почти нет абсолютно здоровых родов в наших родильных домах, почти нет абсолютно здоровых призывников в армию среди наших юношей. Это характеризует здравоохранение? Что это характеризует, – я не знаю... К этому всему быстро привыкаешь и живешь – это твоя среда обитания, ты, как муравей, не можешь повлиять на положение дел в лесу.

Может быть, я не прав, человек дезориентирован. Человек не может жить нормально, чувствуя себя в постоянной опасности от окружающей среды и социума, честные академики молчат, – они должны были бы делать обзоры в газетах. Институты?! Биологи говорят, что мы увидим конец биологической природы (ее коллапс – смерть), может быть, через двадцать лет, а может быть, через десять. Что автономность всех систем космического корабля, над которой уже пятьдесят лет бьются ученые, нужна не для полетов на Марс, а чтобы выжить богатым на безнадежной уже планете.

– Это кто лежит (чья история болезни?) – на КТ, это пьяный, пусть лежит, пока не проспится, везти его бесполезно – он беспокойный и лежать под рентгеновской трубкой смирно не будет... Этот парень пролежит у нас полдня, в 23 вечера я его повезу, и он устроит нам еще приключений – вывалится после КТ из кресла на асфальт, разобьет себе нос, у него разовьется гемосинус (кровь в синусах – пазухах), сломает себе нос и какие-то там решетки, я вызову второго санитаря с каталкой, отвезем его после падения снова к «лорикам», и на КТ, и госпитализируем его к лорикам, завязав на нем простыню на манер смирительной рубашки и привязав ноги к кровати в палате с тяжелобольными стариками – пусть наши отцы поспят

с ним. Рот-то ему не заткнешь – а он все время мямлит какие-то угрозы в адрес какого то Генки... А казалось ведь всем, что он проспался – по стенке уже сам ходил в туалет...

На прошлом дежурстве я, находясь возле вшивого больного, – завшивленных нужно обрить и обработать репеллентом в комнате санобработки (ее здесь называют «сифонка»), – вдруг отчетливо понял, что как бы больной не умер, если он очень завшивлен, сначала бесчеловечная санобработка, а потом уже в палату – лечится... Диалектика... Люстрация – очищение социума путем жертвоприношения. Термин, которым описывается сталинский террор, где приступы доносительства (как классовая борьба) зашли и в сферу семьи...

Жестоковейное время...

Культурная бабушка с двумя большими «фингалами» под глазами. Сама упала и сама ударилась... Сидим на КТ – она инженер института оптики, шесть тысяч рублей пенсия и 5 тысяч зарплата. Здесь, на КТ, со мной рядом сидели и хранитель органов (в смысле музыкальных инструментов), и профессорская семья (профессор стукнулся) из консерватории – все родственники его тоже профессора. Это частая для Питера история – человек возвращался домой, и в подъезде его собственного дома его ударили по голове с целью ограбления. Путем длительных наблюдений я понял, что «ударяют» и ночью, и утром, и днем, и вечером... Сегодня у нас поступил с хроническим панкреатитом Владимир Ульянов.

Женщина из оптического института оказалась с большой опухолью мозжечка:

– Да, я знаю – уже лет пять я с ней, предлагали оперировать... Да, какой там... Пью капли Цинь-Линь...

Здесь часто вывозят в морг вечером тех, кто поступил днем или утром. Постепенно я перестал им сочувствовать – это просто тяжелые куклы, так проще, иначе психика постоянно угнетена, во всех чудятся твои родные и близкие. Везде, всегда...

«...Люди – ошибка бога, судьбы и программы. Человечина. Хотение смерти – есть тоска бога о неудаче своего творения», «и это есть единственное, в чем человек превосходит бога, который не смог бы упразднить себя, если бы даже пожелал», – говорит писатель Леонид Леонов устами своих героев. Леонов демонстрирует плохое богословие – примитивно не понятное, совершенно совпадающее с ересью гностиков...

– В нашей больнице для бедных работал врачом отец Ф. М. Достоевского, тогда она называлась «Божедомка». Здесь, в правом флигеле, родился будущий писатель и мыслитель Достоевский, создавший всем своим творчеством «новую художественную модель мира». Маленький Федя бегал по больничному скверику и жил здесь во флигеле с семьей. Только этот чудесный факт никого не удивляет в богатом на имена Петербурге и никого не поддерживает сегодня здесь, в больнице...

– Надеюсь, вам здесь будет хорошо, – успокоил я больного. Он ответил:

– От вашей фразы веет безнадежностью, – оказалось, филолог. Очень внимательные есть люди к языку – язык Ключ...

«Только в могилу можно дезертировать из истории», – тот же Леонов, который, как и его герои, всю свою длинную творческую писательскую жизнь жил, терзаясь грехом несостоявшейся в мире «человечины».

Каждый настоящий мужчина и боец ломает нос по несколько раз в жизни. Он должен твердо знать и уметь вправлять себе поломанный нос самостоятельно. Инструкция проста: лидокаин и адреналин на ватке вводится в нос, иметь с собой две простейшие железяки – левый и правый элеватор, засунул в нос, надавил и готово! Потом називин, аквамарис – капли в нос и спать на спине.

– Как нос сломал?

– Упал. Потерял сознание и упал.

У молодого парня сахарный диабет, уже пять лет, колет себе инсулин – ледикор и хумилак по пять раз в день. Один пролонгированного действия – два раза в день, другой перед приемом пищи:

– Мало поел, наверное, вышел на улицу и потерял сознание, упал на клумбу. Сломал нос и в глазах двоится...

Санитар Федя провонял помещение, где мы спали своими носками (ночью мы делимся – «делим ночь»: двое спят три часа, потом следующие двое спят три часа). И Руслан туда (к Феде) спать не пошел... Где-то на стуле маялся...

Один сильно пьяный спокойно сказал своей жене: «Поблагодари ребят, – у тебя тут только крупные, а ты все равно поблагодари». И та их (рентгенологов) поблагодарила, потом считала бумажки и все вздыхала тихо...

Люди приносят нам часто ненужные им вещи (одежду, обувь). И мы одеваем в них людей после дезинсекции и санобработки. Их одежда вонючая выбрасывается в специальные мусоросборники и вывозится в специальные места уничтожения... Люди, отдающие нам в больницу вещи, гарантируют, что они без клопов и вшей. Только у чистых людей доходят сердца до благотворительности, а вшивые и клопастые этим не обременены... – это доказательство чего-то, сам не знаю чего...

– У меня есть один час, я сейчас сделаю центр рисунка – розу, – сказала мне дома жена.

Я заканчиваю мои упражнения пером по бумаге и сплю после дежурства... с десяти утра до часу дня...

Четырнадцатое февраля 2012 ГОДА

Рис. 14. Топография подчелюстной области. Иллюстрация собственноручно выполненная «взятелем Лукой для книги «Очерки знаменитой хирургии»

День всех влюбленных

У нашей семьи есть и результаты, и качество! У нашей семьи должны быть подобные нам друзья! У нашей семьи есть мощные ресурсы – все мы: Паша, Оксана, бабушки, дедушка и Остап. У нашей семьи есть сопутствующее текстовое сопровождение (не считая умных разговоров на кухне). У нашей семьи есть 13-летняя история подвигов и свершений! И есть уверенность, что еще лет пятьдесят, и в современном мире или на небесах нам все зачтется и нам выделят немного тихого счастья без гонки на задохнувшихся лошадях всей семьи, грохота подков об асфальт и пустой многоголосицы...

Иду, работаю санитаром. Ответственный врач командует: «Седатировать!» Пациент с травмой головы с не меньшим знанием дела заявляет: «Курить хочу!»

– Закурим?! – опять спрашивает пациент с травмой головы, когда я веду на рентген.

– Нет! – отрезаю я, и надежда в его беспокойных глазах тухнет...

Вспоминаю тексты нашего советского писателя – Леонова, как ему «шприц вводили», а он кричал от боли, потом писал свой «арзамасский страх». Пишет он об этом строго и непонятно, согласно сталинскому времени, в котором проживал: «Приматы элементарного советского дискурса всегда присутствовали в нашей жизни»... Я, по сравнению с Леоновым, нахожусь в гораздо более свободных временах, но пишу тоже как можно аккуратнее, не хочу навредить людям, которые здесь работают.

Слово. Слово о графе Толстом... Любил «...всякий звук жизни». Шил сапоги «...для мускульного ощущения, которое важнее знания книжного». Вот, поэтому мы и санитары – «мускульного ощущения» умеренного количества и ответственность по силам нам дана...

Главные темы в интеллектуальной повестке прошлого века осознаю, но сам по себе являюсь носителем часто безупречно спрятанной проблемы, решаю которую всю жизнь...

Сомнения пожизненные. Это не обо мне, это об интеллигенции – о Л. Леонове, Л. Толстом... Так что приведенные строчки это цитата.

Толстого в день погребения провозгласили как величайшим христианином, так и величайшим атеистом (еретиком) ... Женщина из кресла выпала на снег, мочеприемник тоже лежит на снегу... У детей суровые прокурорские лица, мертвых детей...

У наших здешних мертвых такие же лица, как и у детей войны, и у ныне живых взрослых – спокойно скорбные: я везде их вижу сутки напролет в нашем приемном отделении – приходите посмотреть в отделение скорби с улиц к нам...

В БИТР определили (блок интенсивной терапии и реанимации. Таких БИТРов здесь несколько), отобрали, как и у всех, все – одежду, тапки, воду, трусы и нательный крест, привезли в БИТР, а мест нет. Положили даже не в палату в первой неврологии, а в коридор... на раскладушку... Приличная женщина (то есть не бомж), только очень тяжелая... Крестики

нательные снимают, видимо, потому что, если и когда человек начинает умирать и ему начинают делать реанимационные мероприятия и (или) срочную операцию, то есть речь идет о жизни или смерти, крестики снимать некогда, цепочки рвутся, крестики теряются, на это уходят такие дорогие секунды. Наверное, поэтому в БИТРах и реанимациях все лежит перед Богом равные – без крестиков.

Кодифицированные взаимоотношения между людьми – они нравились И. Бродскому, но он никак не мог знать, что и в нашей больнице, и на улице, и в магазине русском уже тоже кодифицированные взаимоотношения. Как это? А это означает, что они английские – то есть в чистом виде английские (а не в переносном). Англичане в этом преуспели – англичане не выражают эмоций, и можно только воображать, что они чувствуют на самом деле (это я не об англичанах и Бродском, а о наших больных – культурных людях, что лежат часами в приемном отделении). Это тебе не то чтоб быть поверхностно болтливым... Это удручающая неизвестность в «кодифицированном мирке» – ни за что не узнаешь, как у тебя или у твоего родственника дела движутся. Нужно терпеть и ждать. Обследование закончат, и тогда узнаешь...

Бродский хоть и пил, и был женолюбец, и храбрец но... но – русская дружба на западе не известна (тесная, требовательная дружба). Все это не вымирает, это вымерло уже давно. Радуйся, Бродский.

Знать, что умирает, заигрывать со смертью задолго до срока – шпионские дела. Вопросы литературы и души одни – это опять Леонов...

Кто я? Перед кем я ответственен? Кому верен? Что для меня истинно?

Вы мирно исследуете себя! Вы создаете контраст между своими чувствами и своим поведением (то есть что такое контраст – полное несоответствие!). Это все еще об английском поведении: и я никогда не узнаю, что противен вам (вежливые формы существования), что вы донесете на меня в КГБ. Русские – все знали о психологии до Фрейда: ВЫЖИВАНИЕ! Отсюда проникновенность русской литературы. Человек должен определять себя, прежде всего спрашивая – щедр ли я, лгун ли я? Эта фраза мгновенно вытесняется из вашего мозг, и вы ее никогда постараетесь не вспоминать, потому что это правда, потому что вы ей не соответствуете и признавать ее – значит наносить постоянную травму своей психике и телу... Забыть ее!

Я испачкался кровью больного, придется застирать пятна и ходить по морозу, пока не высохнет...

Я такой маленький – микроб среди людей ума и души... мне смолоду хотелось быть возле ума. Теперь же уже только наблюдать со стороны. Издали... читать мемуары, чтобы думать и испытывать ощущения: попрыгучая суета бытовых сует. Бродский выучивал своих читателей быть по другому принципу, по полному иному, считается, что он вернул поэзии слово «душа». Соль мира таится в чудаках и кошках Киплинга. Гуляющие сами по себе одинокие упрямы не чужие всем, а все увидевшие и простившие всем. Бродский и среднюю школу не окончил, и в собственной семье большой его считали пропащим. Мы живем в эпоху Бродского. Иосифа Бродского! Гуманисты! Можем дать пять лет тюрьмы, но ограничиваемся ссылкой, «но двух рублей давно не видя вместе», – писал Бродский... И неисповедимая сила тайного доноса. Плюс паразитирование системы на нашей порядочности. Совершенный никто – еврей, – вокруг которого страны – лишь ландшафт... Дворяне и евреи: для них подданство – позиция случайная – они сами по себе...

Пациент уронил мешок с рвотой на пол, и потом его еще рвало, и мы колесами каталок растащили желтую жидкость желчного пузыря по всему коридору томографического кабинета. Сотрудники кабинета выражали сдержанную недоброжелательность. К утру, после ночи, в коридоре перед томографом на полу натоптано после ночных историй. К восьми утра придет санитарка и будет его мыть, чтобы ничего не было...

Мы уже давно ждем комиссию, которая будет из самых высоких мест санэпид-станционных. Я мечтаю, что комиссия увидит наши кресла, на которые уже невозможно и садиться – так они стары и все в засохших человеческих выделениях, с порванными колесами, старыми матрасами на каталках, под которыми ржавое железо, на которых лежат люди (а с которой стороны здесь у вас головой ложиться?..).

Случайные подданные русского языка дворяне и евреи духа, поэтическое видение мира и либерализм – антиподы. В граненых зеркалах Европы, самих себя шарахаясь с товаром, мы – арзамасский страх... – русский характер. Политические авантюристы и истинные патриоты демонстрируют тот самый русский характер. Условия в больнице, где лежал Л. М. Леонов, и о том, зачем Богу понадобились и остались на земле люди – самая таинственная и самая кульминационная часть человеческого познания для Леонова.

... Ломал дверку и зеркало, ломал каталку:

– Остановите!

– Дайте покурить!

– Да что ж ты делаешь?

– Хочу упасть! Отвезите меня на улицу...

... И положили женщину без матраса – восемьдесят девять лет, ветеран войны, вот так, и ветераны войны...

В его доме частыми гостями были Крылов, Брюллов, Стасов и Карамзин, здесь познакомился Пушкин с юной А. П. Керн, где эти дома сейчас... Нет. Ничего нет.

После всех инспекций, что переживает наша больница, чуть не ежемесячно каталки нам не меняют, кресла не закупают и раскладушек в коридоры не запасают.

«Рентгенологи не должны быть в реанимации! Они должны быть в своем кабинете! Доктору я сейчас вставлю! А вы бегите сюда!» – из разговора старшего врача смены по телефону...

«Дай Бог, чтобы никогда многие не имели нужды сюда быть привезены неведомого состояния людей всех, где умирать принимают» (Н. С. Лесков, «Левша», об Обуховской больнице). «Отхожие места заражают зловонием палаты» – это не про нас. Палаты заражают зловонием воздух в коридорах второго неврологического отделения – вот это про нас... Под украшенные колоннами доисторического ордера, входят под своды, опекаемые всеми видами обществ и организаций Красного Креста и города Дрездена, и так далее, – длинным списком контролирующих органов с почтовыми ящиками под названием «как вас лечат» на стенах, государственным страхованием... входят под эти опекаемые своды мужчины и женщины, с подбитыми лицами, вызывая ужас и сжимание сердца, неудобство и чувство стеснения. Сейчас уже нет. Все нормально, – я привык, как будто это по особой моде подведенные глаза, а не синяки под глазами и не симптом «очков»; пращевидные кровавые повязки на носах, сломанные носы и лица в крови, которые никто никогда в приемнике не моет, вызывают средневековое привыкание – такими были лица на улицах просвещенной Европы XIV века...

Сегодня в гинекологии тоже в коридорах лежат. День всех влюбленных. В приемнике все в основном пары: мальчик – девочка, мальчик – девочка. Девочки приводят своих мальчиков с разбитыми носами – это особенность мальчиков в этот праздник... доказывать свою любовь, разбивая носы друг другу...

Люди ходят, читают на ходу, сидят на железных лавочках. Стоять и впитывать лица современников, патриоты нашего всего. Те, у кого это место заполнено и впитывать некуда, – молчат. Занятие Бродского – «бродить и писать стишки». Люди входят и выходят – эту тайну хочется видеть и впитывать. Эйфория от этой тайны. Женщины всегда и везде обязательно показывают свои признаки. Это взбадривает окружение. При устройстве на работу у меня

взяли заявление об увольнении по собственному желанию с подписью, без даты. Это называется, кажется, – «с открытой датой». Чтобы при провинностях или конфликте можно было уволить без траты времени и нервов. И у всех такое заявление взяли – особенность такая... Русская находчивость. Где заявления хранятся? В сейфе.

Из санитарских историй прошлых времен: ...отошел санитар от каталки с больным выпить, а собаки в это время тележку описали. И стоят ррр-рычат. Пока за пивом ходили – человек на каталке умер... всех в той смене сразу уволили...

Всю зиму шел ремонт по очереди во многих отделениях. Больных переселяли на соседний этаж в коридоры – там они и лежали. Вот где по-настоящему полные, абсолютно совершенные взаимоотношения между мужчинами и женщинами. И с администрацией больницы. «До пояса они богов наследие, а ниже дьяволу принадлежат», – Шекспир, «Король Лир». Во Владивостоке на секретном острове Русский открыли океанариум, там подают блюдо: «курица по-охотничьи».

Письмо Джеймсу Бранкину

*Бранкину Джеймсу, Консультанту олимпийского комитета
Английская школа, ул. Введенского, дом, кв.
г. Санкт-Петербург*

Уважаемый господин Джеймс.

Позвольте выразить искреннее сожаление в том, что Вы уделите для Мариинской больницы (здесь заметен мой английский акцент). Дополнительных извинений приводить не буду за экономией бумаги.

Имея склонность к писательскому труду, я набросал литературный текст с названием «Один день санитаря Мариинской больницы» при Вашем участии в нем. Надеюсь опубликовать его на одном из своих сайтов или блогов системы «Новая Россия» <http://novorossia7.livejournal.com/>, если Вы окажете мне такое доверие.

Надеюсь, что Вами не прошло незамеченным, что вчерашние усилия всего медицинского коллектива приемного отделения нашей больницы разбивались о твердые камни какой-то тайны («темной тучи» отсутствия умения управлять у вчерашних начальников), так и оставшейся от нас в тени.

В последние несколько дней будут проводиться воспоминания Вашего прискорбного случая и Вы будете нам примером в нашем деле. Надеюсь, что состояние Вашего здоровья значительно улучшилось после предложенного лечения (кофе и подводная лодка «Бурый медведь»). Надеюсь, что Вам, несмотря на бесконечные неудобства мелких прискорбностей вчерашнего дня, удалось не упустить внимание на то, что медицинский персонал любит свою работу, родину и гостей. При Вашем повторном поступлении в нашу больницу мы будем ответственнее подходить к выполнению наших обязанностей в борьбе с темной тучей, чтобы победить ее. Под влиянием Вашего визита к нам (к нам прибыл Консультант...) весь персонал осознал! И в следующий раз мы приведем Вас к успеху.

Мы высоко ценим тот такт и талант, которые дала Вам Ваша цивилизация, а также заботу и внимание к медсестре Юле, у которой только теперь появилась возможность ждать завтрашнего дня. Мы считаем большой удачей, что у нашей больницы не умерла возможность встретиться с Вами еще раз.

С уважением, Ваш вчерашний брат и сват, санитар по сопровождению больных Павел.

Дежурство Январь 2013 года

Вечереет. Опять в больнице старый парк покрыт свежеснегившим снегом, тихо и нет ворон. Они еще не прилетели с работы. Прилетят, сядут на деревья и будут обкаркиваться, прежде чем заснуть. Прилетели. Обкаркались. Минут пять-десять это длится, шум стоит большой! Наконец, все стихает. Деревья, все их голые ветви в неверном свете фонарей покрыты большим количеством вороньего народонаселения. Для чего они устраивают такой «каркачий» гвалт вечером, так же непонятно, как и утром. Это вдвойне непонятно и от того, что в теплое время года они не обкаркиваются... Может быть, это как-то согревает их в мороз, перед сном? Корней Чуковский, оказывается, проживал весьма непростую, очень трудную жизнь и был при этом неплох, – какая это чепуха – Время.

Я – Харон-перевозчик, с той разницей, что он был неживой и перевозил через Стикс мертвых, а я и мы – еще живые. Остальное все совпадает. А Харон однокоренное слово с резким словом хирург (ургентный перевозчик). Ургентный – значит быстрый, срочный.

Он (муж, двадцать пять лет от роду) жену тяжело ранил в ссоре, ножом, и сам сейчас рядом лежит. Она умрет через пару часов, а он с порезанными венами, с шоком и со своей комой здесь же рядом, с женой, в травм-реанимации. Лежат на соседних кроватях, оба подключенные к аппаратуре искусственного дыхания.

Я увидел эту девочку (его жену) ночью в коридоре ургентной операционной: над ней склонились три врача, и один из них застыл в напряженной позе – давил на грудь вверху почти в районе шеи, и вокруг стояли хирурги, и тревожно так было. Я прошел мимо, чтобы не войти в ситуацию: я никто – безмозглый санитар, да а и хоть профессор – ничего не сделать, раз он так, наклонившись, стоит и давит – значит, крупная артерия разрезана и все – и все...

Через минут сорок я снова зачем-то попал к ним в их ночную операционную. Она и рядом на соседнем столе второй – другой, не муж, но тоже получивший удар в грудь и в шею ножом. Она лежала с раскрытой грудиной, и врачи боролись над ней, чуть ли не целое полотенце вынимали из разъятой грудины – осушали операционное поле. Я подумал – неужели она еще живет...

И потом пришлось ее везти мне в травм-реанимацию, а через какое-то время его туда же, и она еще была жива. И спросил там: «Она еще жива?» «Она еще жива» – ответили мне. А потом я ее вез в морг... Это не лучшее занятие в мире, но вполне занятие Харона... вез по льду, по неочищенной дороге каталку с черным целлофановым кулком – вот и все... – и передвинул кулек с колес травм-каталки на колеса морг-каталки, и закатил ее туда, среди тех, кто сегодня сюда попал.

А потом, когда уже была совсем ночь, приехали два молодых, два здоровых и сосредоточенных несонных спеца – один следователь, другой криминалист, Дима и Юра – профи... Быстро вычислили человека с ключом (от морга): «Отведи, нам надо к ней...» – и я отвел. Они быстро фотографировали ее, с ее трубками, из-отовсюду висящими, как из куклы, фильма об ужасниках, о Шреке, который надел на себя одежду с трубками в аппаратной

аптеке злой колдуньи. Она была там, где так редко бывают молодыми. Фотографирование не прервал старший врач смены, который примчался:

– Кто и как открыл вам? Кто и как впустил?

– Я впустил.

– Почему?

– Извини.

– Испугался следаков? Думал, им все позволено? Ладно. Пусть фотографируют...

Утром зачем-то (опять кого-то вывозил) я снова оказался в травм-реанимации. Ментовый человек – прапорщик с двадцатипятилетним стажем, расстроено и устало сидел в коридоре (караулил мужа-убийцу), чтобы тот, очнувшись, не наделал дальнейшего побег и смерть...

– А в травм-реанимации, там на окнах есть решетки?

– Там потолки пять метров и окна три метра высотой – какие там решетки... Больница наша, построенная в 1803 году, бедненько выглядела еще четыре года назад, теперь вся сияет, всеми своими двенадцатью корпусами среди старинного парка. Но откуда у нас трехметровые решетки...

– Не знаю, загляните сами, где у них там решетки...

Утром, как и всегда зимой, в парке обкаркивались вороны, и, кроме этого, было все совершенно философски тихо и умиротворенно. Муж ее, такой же молодой, просто спал медикаментозным сном, фиксированный, как и все здесь...

Потом вез туда же тело женщины, которая долго копила деньги, чтобы прооперировать аневризму, и теперь соседкой со всеми успокоенными тихо легла в отремонтированном новеньком морге, в который не заедешь просто – нужно каталку оторвать от пола, чтобы переехать предусмотрительно оставленный всеми инстанциями и последним узбеком-строителем дядей Васей порожек.

Эти бумажечки с записочками о том, что было на дежурстве, никогда не кончатся...

Но кончился сегодня я...

– Черный стул был? – Тут же сидит лифтер Володя (водитель грузовой кобылы), и я его мгновенно переспрашиваю:

– Черный стул был?

– Был, – отвечает, – маленький такой, удобный, для лифта черный стульчик был. И его быстро украли...

– Катя, у вас закурить не найдется?

– Да, я не курю.

– Значит, вы женщина со здоровыми намерениями...

– Может быть...

И какая же это совершенно бесцельная чепуха – Время...

О природе вещей

Червяки

Копая огород. Это трудное и скучное занятие. Потому что надо. За спиной Севастополь – там белые набережные у моря, нежный ветерок, а тут жара и пять соток. И никто не помогает, кроме червяков.

Я стал помощников собирать. Пусть побудут вместе. Найду – и брошу на целлофановую пленку, покрывающую соседнюю грядку, чтобы вскопанная земля не сохла. Найду и брошу, в кучку, потом вторая «колония» червяков сформировалась. И мне копать веселее. И червякам веселее – всем приятно чужое внимание. Червяков набралась целая кучка, потом к ним упал комок земли. Я копаю, на помощников поглядываю. Для червяков большая черная целлофановая пленка – целый мир, «ни морем переплыть, ни посуху не перейти»... А случившееся с ними – целое переселение народа, в необычную и враждебную среду обитания. Помощники вокруг комка земли ползают, все держатся рядом, никто «на рожон» никуда не отползает. Умные. Время идет, длится бытие. Деревенские не оказывали поголовного смирения перед лицом судьбы, но исследовали близлежащие территории осторожно: не покидая своих «деревень», искали – нет ли на расстоянии «вытянутой ноги» земли – куда можно «утечь». И более длительных экспедиций не предпринимали.

Некоторым червякам с самого начала не повезло: когда их кидали на пленку – они не попали в кучку и оказались в одиночестве. Вот эти одиночки были «первопроходцами поневоле» – они ползли! В отличие от деревенских, которые упрямо не ползали никуда, кроме как внутри своего сообщества. А те, которым достался комок земли, вообще потом успокоились – расположились вокруг комка «в три ряда» и «уснули». А первопроходцы – нет, они не уснули, – они ползли и вели себя при этом очень по-разному. Всего усматривалось три типа поведения: 1 – хаотическое, 2 – «неврастеническое», 3 – «осмысленное». В основном первопроходцы вели себя по первому типу – бестолково ползали, часто меняя направление, – недоработки у них в системе навигации и самонаведения, поэтому из этих десяти «человек» никто «обетованной земли» не нашел, а так и остался на пленке, пока я их сам рукою всемогущей по домам не распустил. Неврастеники – человека три таких было – они не столько ползли, сколько психовали на судьбу и сложившиеся обстоятельства жизни. Это бывает со всеми червяками, когда их лопата выковырнет из земли – они начинают вертеться, сворачиваясь кольцами, отпугивающее такое поведение, наверное – змею изображают. Неврастеникам уже не целесообразно было кого-либо отпугивать, им целесообразно было ползти, чего они как раз, в силу слабых характеристик, не делали. Полежат, полежат, потом понервничают, снова полежат. Очень похоже на людей, которые работать не хотят, а только ноют. А третьи червяки, их было тоже трое, вели себя геройски осмысленно: они ползли, не теряясь в своих сомнениях и не меняя направления, – вот они-то и нашли свободу самостоятельно. Молодцы. Несмотря на недостатки штурмания и эхолокации.

Но и деревенские время от времени тоже выдвигали из своих рядов первопроходцев и смельчаков, которые покидали сообщество и самостоятельно уползли в неизвестность – искать Землю. Одна «деревня», та, которой достался комок земли, находилась всего в ладони пути до края целлофановой пустыни. Всего одному червяку повезло выбрать правильное направление – и он уполз на Родину. Безвозвратно. Такого простого бесследного его исчезновения, без каких-либо последующих сообщений братьям поневоле я никак не ожидал. Но, увы, он не вернулся и никаким образом не сообщил в родную деревню о десятисантиметровой свободе. И группа осталась в неведении дремать вокруг комка земли. Нет между червяками никакой коммуникации. И интуиции у них нет. И телепатии тоже. И навигаторы они никудышные. Очень много недостатков.

А первопроходцам было труднее, чем деревенским, – они могли засохнуть в дороге, и вообще – трудная судьба. Но некоторые из них нашли Землю. А из деревенских – только один.

Первопроходцев было мало.

Только немногие из первопроходцев были таковыми по собственному решению. 90 процентов открывателей Земли были первопроходцами поневоле – их изначально случай забросил в сторону от деревни, и им пришлось в одиночку решать свою судьбу. А семейные – деревенские решали свою судьбу очень консервативно – они не покидали «деревень» (в большинстве своем) и довольствовались «внутренней культурной жизнью своего поселка».

Интересные ребята – червяки. Параллельная цивилизация. И очень консервативные. Хотя оно и надежнее. Они не геройствовали зря, – они выжидали. И – все получилось в их пользу. Червяки знали, что время течет, бытие длится и обстоятельства меняются. Вот и у червяков изменились обстоятельства: должен же я их был когда-то отпустить. Ну – вот, я их и отпустил. И консервативные червяки расползлись, переждав, в большинстве своем, неблагоприятный период жизни без лишнего риска и правдоискательства. А если бы все в первопроходцы подались? Наблюдения показывают – 80 процентов засохли бы. А если бы и на следующий день выжившие не успокоились? И снова за свое опасное дело? Тогда третий такой день «смелых героев» уморил бы всю «страну».

Значит рискующих своей головой в популяции должно быть процентов пять. Если их накапливается больше – в «стране» начинают распространяться переселенческие настроения.

Расползлись червяки.

А я остался копать.

Думать.

Радикализм – опасная вещь.

А консерватизм – это хорошо.

Наверное, старею.

Интерес к жизни

Интерес к жизни возвращался и нарастал сначала постепенно как некое возбуждение изнутри.

Сначала понравились некоторые выражения из романов Ж. Сименона: «Бывают дни, когда я ничего не понимаю... Смеркалось... Пойдем, полюбуемся, как темнеет... Выпьешь горячего лимонада?.. Улица принца... Выгнать ее труднее, чем кота утопить...»

Потом я выздоровел от этой восьмимесячной депрессии, но выздоровел так, что уже навсегда запомнил тот ад «по ходу жизни».

И что я состарюсь и еще обязательно и не раз в него попаду. Это грустно.

Теперь я хотел и снова мог видеть то, что хотел, вот эти все лирические стороны вещей, которые мне так нужны, хотел и мог гулять осенью по улицам Феодосии и записывать ее краски, ветры, ее море и ее деревья. Но теперь понимал, что буду гулять эту осень уже по-другому, не так уже искренне, как это раньше бывало. Но я надеюсь, что осень еще захочет пройти со мной по улицам моего города. Наверное, наверное, такое еще будет, хотя она давно покинула меня.

И это «давно» длится так долго, что я сегодня уже не так знаю зачем. Зачем я гулял раньше под ручку с осенью.

Теперь я думаю о своей любви так: мне нравится видеть, как люди живут с Осенью рядом – всякий по-своему. Как? Это видно по тому, кто во что одет и как идет навстречу, какой походкой подходит к ней и с какими намерениями на лице. Даже то, какой у кого живот, многое говорит о взаимоотношениях человека с осенью.

Вот идет юность. Только невинная молодость может так наивно и легко одеться. Вот идет старость... и это нам всем еще предстоит.

Раньше я хотел узнать божественный принцип мира, чтобы рассказать его всем. Казалось само собою разумеющимся, что от этого люди станут счастливее. А узнал только самую маленькую часть от этой тайны.

И мне сразу расхотелось поведать ее кому-либо, потому что не хочу развенчивать наивность молодости. Юность лишать ее глупых надежд и ликования. Остальных – тревожить.

Всю жизнь искать ответы, чтобы приготовиться к грядущему! То, что я понял и ожидаю от будущего, – пугает. К этому невозможно приготовиться (старость, болезни, нужда, еще многие и многие немощи). А вкусив хорошего, как можно потом довольствоваться меньшим?

Остальные люди этого не понимают разве? Счастливы, кто не понял, еще не понял. Но ведь хотя бы половина людей, наверное, понимает. Но тогда становится еще более тошно, страшно. Ведь половина людей живет в хроническом тотальном несчастье. Осознание этого потрясает. Блажен, кто верует, легко ему на свете?

Если бы...

А моя мама? Про маму-то свою я должен понимать больше, чем про гипотетических «остальных». Моя мама – забывает об этом, хотя бы иногда, на время, забывает о своих несчастьях и о своих выводах, кто есть человек. А отец? Отец об этом не говорит, – он всегда работает, он относится к тем, кто спасен работой.

А ведь я даже не дарю маме радостей, а ведь мог бы. Посылай маме письма почаще!

Я повидал хорошего – и теперь не хочу это терять (качество, скорость, информированность, здоровье, работоспособность...). Не хочу и не могу видеть все эти слова с приставкой «не».

Как бы там ни было, я на время обо всем этом немного забыл, и началась прежняя жизнь – счастье осени затопило эти мрачные тайны жизни. Настала пора, когда все то, что видишь на улице, – счастье. И это счастье хочется записать и превратить в лирические сказки: «Качаются разбойничьи фелюги, / Горят в порту турецких флагов маки. / Тростинки мачт, хрусталь волны упругий. / И на канатах – лодочки-гамаки».

А в переулочках, чуть свечерело,
Пиликают, согнувшись, музыканты,
По двое и по трое неумело,
Невероятные свои варьянты.
О горбоносых странников фигурки!
О средиземный радостный зверинец!
Расхаживают в полотенцах турки,
Как петухи у маленьких гостиниц.
Везут собак в тюрьмоподобной фуре,
Сухая пыль по улицам несется,
И хладнокровен средь базарных фурий
Монументальный повар с броненосца.

(«Феодосия» О. Мандельштам)

В Севастополе такие женщины – я ей улыбнулся и она мне тоже. Взрослая женщина, а ведет себя как девчонка. Такое возможно только в Севастополе.

1999 год

«Окуляр ока земли»

Эпиграф:

– Вспомнил! Вот, сорокаПятилетний мимо идет. А ну-ка, подойди, малыш, поближе, ну-ка, что у тебя там в карманах? А, бутылочка. Значит, опять? Да?

Сказка/мультфильм

*Ходил по зарослям камыша, ловил птиц.
Лежал на поляне сказок лицом в небо, руки за голову.
Блуждал в предрассветном тумане, без мыслей.
Сушил рыбацьи сети в струях ночного бриза.
Иногда, заглянув в «окуляр информационного ока земли»,
вздрагивал и отшатывался.
Потом долго – в задумчивости:
Ходил по камышовым водам...
Лежал на берегу сказок...
Блуждал в туманах странствий...
И сох в струях бриза...
Тянуло опять заглянуть в окуляр...
Сдерживался.*

Феодосийская набережная после шторма

Феодосийская набережная. Мальчик, катаясь на велосипеде, играл на набережной с волнами. А сильный прибой отвечал взаимностью, он пытался обрызгать мальчика. Оба были мокрые и довольные.

На улицах среди женщин псевдомонашеская мода. Все в длинном и черном. Сентябрь, глубокий вечер, фонари. Гуляющие на набережной посторонились – дали место проехать через железнодорожный переезд велосипедисту, мужчина подъезжает к морю, он борцовского телосложения, голый, в плавках, верхом на велосипеде, – едет купаться.

Кафе. По полу, стенам и потолку летят звездочки – электрические солнечные слоники и зайчики. Зайчики от зеркального шара красные и желтые, потому что с южной стены на шар бросает свой луч красный фонарик, а с северной – зеленый. На полу (в надире) они летят друг навстречу другу – там пурга! По экватору (на стенах мира) – одни снежинки летят вверх, другие параллельно стенам – поперек, чтобы у посетителей возникало легкомысленное головокружение от «востока» и «запада». На потолке – в зените ночи – на «южной» и «северной» стенах, согласно цвету фонарей – зеленые огни пролетают редко и быстро, а красные медленно всплывают вверх и медленно тонут, как поплавки на одном месте. «Баллотируются», вспомнил я точный латинский перевод, усмехнулся и, расплатившись, шагнул из-под навеса кафе в электрическую темноту.

Конфета

«Я из-за тебя конфетой подавился!» – крикнул один мальчишка другому на бегу. Почему конфетой, подумал я – и вдруг попал в детство:

Конфета длинная, как карандаш, полосатая, – конфета из детства! Безумно небывалого вкуса, какой только и может существовать, когда ты в пятилетнем возрасте... И почти совершенно недоступная – все равно не купят. Можно только мечтать и посылать сигналы в космос.

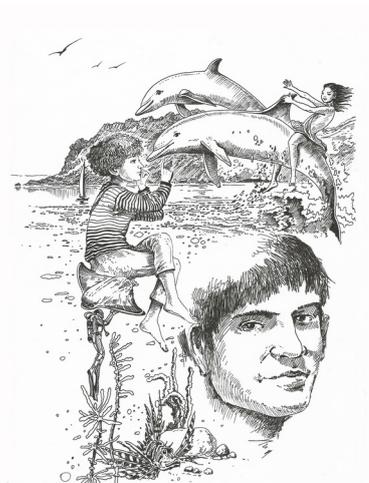
Надя сказала, что тоже помнит эту конфету, из детства, и Нина помнит. А Надя нашла деньги и купила.

А вкус не тот.

Встреча

Под музыку твоих песен, перевод с твоего языка на мой.
Не расстраивайся. Встреча состоялась. Я узнаю тебя, несмотря на отсутствие.
Слышу по шепоту волн возле моего дома.
По переводам с драконьего языка твоих глаз. По средиземноморской фамилии.
Случается тогда все, что люди называют счастьем. Над Феодосией прекращаются ранние заморозки; проснувшиеся пчелы, комары и мухи висят в воздухе, как мальки в стоячей воде. Наше незнакомое знакомство длится много лет.
Сдерживая похолодание климата над городом. Извини, я чуть не попал под твой велосипед.
Случилось ли что еще?
Больше ничего.
Не расстраивайся.
Я увидел тебя.
Этого достаточно
Сегодня, случилось все.
Зима кончилась.
Обратно я ехал без шапки.
Я ехал и думал.
Я бы купил пассажирский велосипед,
Развозить влюбленных,
С высокими креслами, откидными спинками,
Чтобы было видно небо.
С прозрачным потолком,
Чтобы звезды видели нас.
И катал бы тебя по всему заполярью крымской осени,
Чтобы запахи крымских трав твоих волос будоражили равнины Восточного Крыма.
Тихое благополучие над маленьким городком —
Спят художники в шезлонгах на солнышке. Фотограф выносит свою пластмассовую пальму. Нищие продают лечебную маклюру. Покупайте!
Собаки в свободных позах на солнечном асфальте. Рыбаки копают в море морского червя.

На море первый шторм

На море первый осенний шторм!

Ярко светит солнце мощностью в двенадцать тысяч люкс, дует холодный небесный ветер. По морю ряды пенных валов пробираются к берегу нескончаемым белым напоминанием о прошлых скитаниях. Корабли ушли с феодосийского рейда. Застывшие сторбленные фигуры людей на море что-то продолжают высматривать на горизонте. Дети младшего школьного возраста, с не по размеру большими ранцами за спиной, идут из школы, зашли на море – посмотреть на шторм. Бегают по молу наперегонки с брызгами.

На море всегда встречаешь чудо и чудак. Идет старик, за ним на кожаных шнурочках семят две собачки, те Белка и Стрелка, которые полетели в космос вместо Гагарина. Собачонки одетые – в кофточках, застегнутых по хирургически на спине. Глаза – черные, цыганские, очаровательные.

Я обгоняю старика. Перед ним идет молодой человек в ярко-синей куртке, на спине «Адидас», в руках несет кинокамеру, дорогую, наверное. Внешне камера напоминает гигантское вымершее насекомое. Кузнечика? И одновременно – ручной рубанок. Окуляр ее черный вынесен далеко влево и в сторону, а объектив, как глаз гигантского сверчка, не моргая, выпукло смотрит на мир, готовый со всего снять копию.

Человек, специалист по впечатлениям на пленку, на память, «на корочку». Хотелось заговорить, вдруг впечатления сложатся, произойдет суммация вдохновения и даст диковинный плод, под неожиданным углом? У моря всегда хочется чуда. Наваждение, к счастью, вовремя рассеялось: «Не нужны тебе совместные впечатления, ты в своих разберись».

Упорно мерзнут художники со своими картинами о счастье и море. Мерзнут бабушки с семечками и сигаретами. Желтое очарование листьев старательно разложено на асфальте, узорами детства.

Все женщины демонически в черном и блестящем, разлетаются полы кожаных пальто, мелькают запретные места, блестит лак парабеллумов, – революционные времена и предреволюционные реформы... в политике, экономике и общественных взаимоотношениях, диктуют моде. Поднятые куклусклановские капюшоны отпугивают мужчин робкого десятка.

Голуби, по-старушечьи переступая с лапки на лапку, гуляют артритическими походками, – по одному, по двое, по солнечной стороне ветреной набережной, как пережитки мира и социализма в отдельно взятый солнечный день.

Ворона бросает свой грецкий орех сверху на асфальт и одним глазом смотрит, что получилось.

Волны – нескончаемые переселенцы в белых чеченских папахах и бараньих шубах – непрестанно выходят на берег и ревут, как стадо коров на лежбище морских котиков.

От разбитого несостоявшегося морского ресторана-корабля на берегу осталось одно днище в воде. Шторм и люди все время выдирают из днища остатки кораблекрушений, волны – черные шестеренки и сейфы с истлевшими судовыми записями о кладах и погибших кораблях, люди – медь и латунь для продажи. Сейфы море оставляет на берегу, медь уносят с собой люди.

Парень с камерой исчез, растворился в брызгах прибоя.

Против солнца над прибоем висит завеса из мельчайших капелек воды, чтобы радуга так не слепила глаза.

Доверчивая зелень наивно пляшет в вершинах деревьев. Желтые кроны дерутся на ветру. У всех встречных смиренно-умиротворенные лица.

Астрономическое местное время, когда все это происходит, – сто часов тридцать пять минут, ветреного месяца крымабря, понедельник времен. До конца тысячелетия осталось тридцать дней и несколько минут.

Желтое очарование листвы старательно метут дворники.

Доверчивая зелень на ветках, на земле, в траве и глазах уходящего дня. Тополя сдались осени первыми и стоят голыми, одиночные листья в вершинах крон заменяют задерживающихся с прилетом грачей и глаза деревьев.

Акации еще наивно-зеленые.

Клены волнующе-желтые. Платаны и каштаны сохраняют листву только на нижних ветках, протягивая проходим свои загадочные пальцы для прощального поцелуя. Листва под ними – как персидский ковер. Разноцветные листья неутомимо прячут и вывозят по ночам из города грузовики без номеров. Нанятые ночью дворники работают упорно и молча, без отдыха, – никто не должен видеть такое великолепие.

Палая листва пахнет свежим табаком. Ивушки стали блондинками, грецкий орех опал раньше всех и молодой годовалой порослью-подростками, как пальцами, трогательно указывает на небо и протягивает руки к Богу.

В районах частных домов хозяева листьев жгут их в кострах.

И дым с запахами детства стелется между участками по огородам и садам, выползает на улицы, и все прохожие ностальгически поводят носами, вдыхая то, что было, и прозревая будущее.

Роскошь золота на зеленой траве смотрится последней мерой совершенства, способного каждого человека превратить в поэта.

На заборах и стенах – часто встречающиеся надписи, они изменили свое привычное похабное содержание: теперь пишут «Нет Кучме!», «Наш блок Россия» и прочие политические осенние мотивы. Рваные афиши «израильского цирка и экзотических животных» прощально трепещут на ветру.

Неистово, в последнем припадке молодости, вездесушно цветут бархотки и астры всех расцветок. Грациозно держатся розы. Хотя уже ночью видели лед на дорогах и в обед в городе его тоже видели.

Я набрал чьих-то продолговатых желто-зеленых листьев и высыпал их дома на диван. Они лежат как подстилка из свободной индейской жизни, ими хочется засыпать всю кровать и крепко выспаться на них.

Дома стирка с хлоркой.
Окунул лицо в листву – запахи осени.

Ужасная вещь жизнь...

Каждую минуту думаю, то ли я делаю и что об этом завтра подумаю я сам или другие:
– на службе,
– родители,
– жена.

Не хватились ли меня уже:

– родственники,
– на службе,
– жена,
– приятели.

И все ли я сделал, что наобещал, «обещалкин-выполнялкин».

А не ждут ли более важные дела?

От этого всего у человека повышается уровень тревожности. Это и об этом пытается человек понять долго. Полжизни. От чего это я такой тревожный, встревоженный, иннервированный? Через тридцать лет пристального наблюдения за самим собой – понимает! Вот от всего этого!

И тогда начинается работа над самим собой.

Эта долгая дорога в дюнах жизни.

А вот батюшка из Введенского храма и не торопится никуда.

Все пути одинаковы, главного нет, оставайся без выбора тысячи лет...

Все со страхом смотрят, что я там могу так быстро записывать в блокноте, вроде бы уже ничего и не происходит!

Дима, расскажи о степи

– Дима, расскажи о степи

– А что о ней рассказывать, степь как степь, голая, и ничего в ней нет – трава до самого горизонта.

Жалковато смотрятся в степи горцы, да и русские тоже.

...Я – гибрид многих, поэтому и вырос в степи под Феодосией.

Поэтому... что о ней, о степи, рассказывать. Идешь, жарюка неимоверная, в степи нет ничего живого, казалось бы, и вся растительность какая-то жухлая и полудохлая, а земля – пыль, – тых, тых, тых. Идешь, а пыль под твоими ногами при каждом шаге – пфф, пф, фф.

Голову печет, твои глаза видят огромный горизонт вокруг себя – «круговое зрение», такого нигде никогда не бывает, ни в горах, ни среди холмов, ни в городе. Все народности, живущие в степи, обладают таким периферическим зрением на 360 градусов вокруг себя. И давно тебя видят, когда ты подъезжаешь к ним, и давно тебя рассмотрели и поняли, с каким вопросом ты обратишься к ним, и ничего им не надо говорить. «Пхе». «Гхе» – откашляется степняк и сам тебе все ответит.

Присядешь над травой – ах! – а там жизнь: муравей дохлую муху тянет, и все там копошится и живет; муравьиный лев в муравья песком сыплет. Жизнь! Кипит! А казалось, в этой выжженной земле и нет ничего. Встаешь и становишься над ними великаном таким огромным-огромным. Взглянешь на небосвод, а он так велик, а степь так бесконечна, а ты такой маленький-маленький, как тот муравей, только в степи такое бывает. Что о ней больше рассказывать. Копчик все время в небе над тобой – хозяин...

Мы слушали.

И слышно было ровное биение сердца земли.

Петрушка Не опера Стравинского, а другой полезный и познавательный рассказ

18 марта 2004 года

На дворе стоял 2004 год. Вечно молодая Россия вечно вставала с колен. Юг, город Новороссийск. У меня за плечами 25-летний опыт службы в ВМФ. И как 45-летний, только что уволенный с флота по достижению предельного возраста, я совершенно ничего не знал о гражданской береговой жизни. Тем более – как тут деньги зарабатывать. Первым моим проводником выступил в роли «бывалого» коммерсанта пятидесятипятилетний сосед Анатолий. Об одном нашем предприятии и рассказ.

К петрушке присматривались долго: оба раза, когда по делам были в Сочи. Нормальный человек в свободное от работы время что делает? Не знаю. А торговый человек в свободное время глазами везде товар подходящий ищет. Вот и нам, когда мы, в полшестого утра попав в город, шли мимо рынка, бросилось в глаза, что здесь торгуют оптом. Вернее, бросилось оно в глаза только одному Анатолию – в глаза оно ему бросилось, и под ноги оно ему повалилось, и в шестеренки оно ему мгновенно вставилось. Я, как человек военный, к торговому делу не без отвращения и слегка свысока. В общем, я с высоты своего дворянского происхождения увидел только, что в утренней темноте у входа в Сочинский рынок какие-то люди сидят и из ящичков щавелем в феврале торгуют, что было слегка экзотично и грустно слегка – потому что в темноте... бабушки... щавелем... и очень даже свежо в такую рань... наши мамы, вот.... Так что в разряд достопримечательностей, – которые только и умеет различать мой ленивый ум, – явление, так поразившее Анатолия, не попадало. А с ним же происходила совсем иная метаморфоза: он сделал собачью охотничью стойку и стал обнюхиваться, повторяя свои любимые выражения, все примерно складывающиеся из вариаций на тему: «Паша, вот где люди бабки делают». Или по-другому: «Паша, вот где деньги лежат». Или так: «Паша, видишь, как люди не ленятся, встают рано, едут куда-то и берут там оптом, а потом сюда привозят и тут оптом сдают, ведь они это не сами выращивают. Паша! Так я знаю, где они это берут! Сегодня, когда мы все свои дела порешаем, я туда тебя повезу, и мы там все увидим!»

...И вот, мы после обеда уже едем на оптовый рынок за двадцать километров от Сочи, еще южнее Сочи, в Адлер, вместо того, чтобы смотреть, глазеть и прожигать жизнь традиционным способом, или даже вместо того, чтобы ходить по дендропарку, по ривьере, по питомнику и узнавать новые виды флоры и даже выкапывать саженцы. Мы предаемся тому, что едем куда-то и потом ходим по грязному рынку, где бедные несчастные абхазы привозят из своей бедной несчастной страны то, что там у них есть такого. А есть у них там, на юге, повторяюсь, только те мандарины и зелень, и ничего у них там вообще больше нет и не было, кроме войны и разрухи. Анатолий весь в междометиях – между чувством жалости к бедному населению Абхазии и алчности матерого предпринимателя, почувствовавшего запах хорошего барыша.

Картина действительно удручающая. Россия, имея, видимо, единственное место шоссейного и железнодорожного соприкосновения с Абхазией через мост (граница идет по реке Псоу) и постоянный поток беженцев, несчастных и просто сомнительных личностей, устроила длинный «обезьянник»: дорога на протяжении километра до реки, до моста через реку забрана в сетку. Чтобы беженцы не разбегались, как кролики, между двумя пограничными пунктами и двумя таможнями – на той и на этой стороне. Зрелище, конечно, вполне адекват-

ное происходившим здесь в недавнем прошлом народным бедам и столпотворениям, но и, конечно, вполне лагерное: сетка, люди, полоса отчуждения, «обезьянник», «гетто»... Так, мы тут по коммерческой части, нам нюни распускать нельзя. Нас здесь только одна петрушка привлекает с мандаринами и с апельсинами, день за днем и от раза с каждым разом, зелень, петрушка, укроп.

Приезжая по делам еще пару раз, мы каждый раз посещали этот рынок. Анатолий – с целью изучения ценообразования и под влиянием магнетической тяги к петрушке. А я в виде придатка, у которого нет собственных замыслов и любимых зрелищ. Видели сначала, как зелень по 130 рублей за килограмм абхазцы оптом сдают, потом, через неделю, как за 70, а потом, когда сами через три недели приехали за ней, то по 50 купили. Набрали 60 килограмм. А потом начался тот кошмар, о котором я еще расскажу.

А тогда, безмятежные и только планами обремененные, осмотрев торги, идущие в страшном «обезьяннике», мы прогулялись по нему в сторону Абхазии, к пограничному пункту. Мы были здесь единственными гуляющими: остальные были «муравьи», двигались нам навстречу, с «той» территории. Все они и каждый из них тащил столько, сколько может переть, катить и волочить на себе изо всех своих женских сил, потому что в основном и на семьдесят процентов все идущие по этой дороге жизни были бедно одетыми абхазцами, а еще вернее – абхазами, совсем если точно – абхазскими бабушками. Все они тащили и катили телеги всех калибров, но в большинстве на манер тех, что у грузчиков на железнодорожных вокзалах. На телегах все сумки и сумки, коробки и коробки, немыслимые и непомерно нагруженные. «Дыни высятся горой, наверху арбуз – герой». «Сынок, поставь сюда руку, – обратился ко мне пожилой абхазец, – может быть, когда-нибудь и тебе в старости помогут...» Я уперся рукой в телегу, и мы молча катили купленную на русской территории муку и крупу в мешках. Из своей страны они везут два наименования цитрусовых и зелень, а обратно – фабричные мешки с крупами и с цементом и еще тару – картонные коробки пачками. За решеткой, среди земного рая, цветущих в феврале лесов мимоз, ярко зеленеющих полей и садов, на берегу самого теплого в России места приютился маленький человеческий ад, «переносный и перевозный». И какая-то закономерность в этом чувствовалась. Светило яркое и теплое солнце и дул холодный ветер. Наверное, библейские ад и рай тоже находятся как-то очень близко друг к другу, как-то совсем рядом – в прямом и переносном смысле. «Через забор друг от друга», – догадался я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.